Часть четвертая. ПОСВЯЩЕНИЕ В ВЕДЬМЫ.

В романе «Мастер и Маргарита» обряд посвящения описан довольно близко к средневековому представлению в изложении рыцарей святой инквизиции.

Способ же заключения союза с дьяволом двоякий: один торжественный, с торжественным обетом, другой частный, который может быть заключен с дьяволом в какое угодно время.

Торжественный обет бывает тогда, когда ведьмы, в установленный день, приходят на определенное сборное место, где видят демона в образе человека. Он побуждает их к сохранению верности по отношению к себе ради благополучия и продолжительной жизни. Присутствующие дают обет принятого ими на себя послушания. После того как демон примет эти обеты, он тотчас прибавит: «Но этого еще недостаточно», и когда ученик спросит, что же еще надо делать, демон требует присяги, которая состоит в обещании принадлежать ему навеки душой и телом и всеми силами привлекать к нему и других лиц обоего пола. Наконец, демон потребует, чтобы приготовили мазь из костей и членов детей, преимущественно тех, которые не возрождены водою крещения;

посредством этой мази они могут, с его помощью, исполнить все свои желания.

Об этом способе инквизиторы узнали в городе Брейзахе от одной молодой женщины, оказавшейся в их руках. Тетка ее была признана ведьмой и сожжена в Страсбурской епархии. А вот ее больная фантазия для господ от инквизиции: «Однажды тетка приказала ей следовать за собой по лестнице и, по ее приказу, войти в комнату. Там она увидела пятнадцать молодых людей в одеждах беленого цвета, какие обычно носят рыцари; тетка сказала ей: «Выбери одного из этих юношей; кого ты хочешь, того я тебе дам, и он сделает тебя своей невестой»; когда та ответила, что не хочет ни одного, то жестоко была побита теткой, но потом согласилась и заключила союз указанным способом. Она уверяла также, что по ночам часто улетала с ней на большие расстояния, даже из Страсбурга в Кельн». Инквизиторы в своих отчетах вывели истину, которая звучит так: после того, как под пыткой женщины сознавались в преступлениях, они всегда стремились покончить свою жизнь самоубийством.

Полет Немаргариты.

Мы летаем во сне.. Это удивительное ощущение полета, смутное стремление к свободе движений и помыслов, свободе перемещений. Оставить все дурное и надоевшее и улететь. Кому такие мысли не приходили в голову? Пусть мы летаем самолетами и вертолетами, но ощущение такого вот архетипического полета ведомо каждому из нас. Несравнимое ни с чем состояние души. Состояние принадлежности всему Миру и Свобода Духа.

Ощущение, как мы теперь видим, стародавнее и подавляемое. Фантазийные полеты внутреннего освобождения быстро стали преступлением. Маргарита у Михаила Булгакова с визгами восторга пролетала вдоль домов врагов своего Мастера на метле, исполненная мести, оставляя позади ночную Москву и свои беды..

А вот история девушки, которую горожане Вальдсгаута на Рейне указали как ведьму. Очень она им не показалась. Рассказ сложился уже в стенах инквизиции.. призвала демона.. просила наслать град.. летела по воздуху к горе.. вызвала град, налив

собственной мочи вместо воды, и в присутствии демона, по принятому обычаю, размешала пальцем. А теперь добавим: была схвачена и сожжена.

О ПРОЦЕССЕ НАД ВЕДЬМАМИ. ЧТО С НИМИ ДЕЛАЛОСЬ

… В двадцати восьми немецких милях от города Равенсбурга в сторону Зальцбурга, произошло большое градобитие. Полевые злаки, весь посев, а также и виноградники были побиты градом. Сильнее всего пострадали виноградники. Об этом градобитии узнал нотариус инквизиции – в народе пошел гул о том, что случилось чародеяние, не иначе. В течение четырнадцати дней инквизиция занималась допросами и снятием показаний. Две женщины были приговорены к наказанию. Имя одной из осужденных было Агнеса, а другой - Анна. Они были родом из Миндельгейма. Когда они были схвачены, их посадили в одиночные камеры. На следующее утро Агнеса была пытаема в присутствии городского головы Гельре, большого ревнителя веры, и других городских уполномоченных. Инквизиторы признали в ней колдовской дар, а как иначе объяснить, что женщина с чисто мужским терпением утверждала в начале пыток, что ни в чем не виновата. Наконец, она призналась. Освобожденная из пут, хотя и не выведенная из камеры пыток, она добровольно подтвердила все возводимые на нее обвинения. Допрошенная нотариусом инквизиции на основании обвинений, взятых из показаний свидетелей, о вреде, причиненном ею людям и скоту, она рассказала все подробности.

О своем отречении от веры, о половом соитии с инкубом, она созналась и в этом. Из ее признаний выяснилось, что она в продолжение восемнадцати лет находилась в указанных сношениях с инкубом и отреклась от веры. Относительно причинения градобития она указала на себя, как на виновную.

Анна, поднятая на дыбу на палец высотой от земли, тотчас же созналась, когда была освобождена от пут, и дала показания. На третий день они обе были сожжены. Агнеса очень сокрушалась и предавалась на милость Творцу. Она говорила, что охотно умирает, чтобы избежать оскорблений со стороны демона. Она держала крест в руках и целовала его. Анна же отстранила от себя распятие. У этой последней было знакомство с инкубом в продолжение 20 лет. Она совершила больше околдований.

Отлученные.

Для того, чтобы понять всю глубину одиночества и беспомощности каждой жертвы инквизиции, а это женщины (!), важно понять, кто такие отлученные. Отлучение произносилось над каждым, кто выказал слабую помощь либо поддержку подозреваемым в ведовстве. Таких людей предавали бесчестию. «Покровители ведьм» не допускались к общественным должностям. Они лишались права получения по завещанию, передачи наследства - тоже. Если такой отлученный - судья, то его приговоры теряют силу; он не может заниматься судебными разбирательствами. Если отлученный - адвокат, то он ни в коем случае не может защищать интересов своих клиентов. Если он - писарь, то общественные акты, составленные им, лишаются своей силы. Если он - священник, то он лишается своего сана и бенефиций.

Священники обязаны отказываться от погребения этих отлученных и при смерти их отказывать им в исповеди и причастии. От них нельзя принимать дарений и милостыни для церкви. Священники, не исполняющие этого предписания, лишаются должности. Восстановить их в должности может только апостольский престол. Дальше-больше.

Их сыновья и внуки могут быть объявлены таким же лишениям.

Канон гласит: «Всякое содействие им запрещено. Эти преступники не должны переступать порога чужого дома; кто их впустит, тому грозит сожжение имущества. Никто не имеет права их принимать и давать им советы. Виновные в этом ссылаются, и их имущество конфискуется».

После всего сказанного стоило ли надеяться?

Допрос свидетеля.

Началом процесса зачастую становился донос. Знакомая картина. Затем свидетеля допрашивают, он клянется на четырех Евангелиях: что сам видел, о чем ему кто-то сказал.. и сказал сущую правду. Наконец его спрашивают, не скрыл ли он чего-нибудь из чувства расположения к подозреваемому. Вслед за тем ему предписывается хранить обо всем полное молчание. По инквизиторским канонам вполне достаточно для осуждения, чтобы слуха инквизитора достиг упорный слух о колдовских деяниях какой-либо ведьмы. В любом другом случае двух свидетелей довольно. Отказы от присяги свидетеля не

принимаются, они тут же становятся еретикам. К тем, кто произнес показания сбивчиво допрос применят еще и еще раз.

Вот это уже интересно: отлученные, а также участники колдовских преступлений, лишенные прав, преступники и крепостные против своих владетелей могут допускаться к свидетельству во всех религиозных процессах. Еретики могут свидетельствовать против еретиков, а ведьмы против ведьм. Допустимы к свидетельству также: супруга, сыновья, домочадцы.

Обязательно фиксируется, как ответил свидетель на вопрос о том, верит ли он в существование ведьм и их способность производить грозы и наводить порчу на животных и на людей. Инквизиторская логика непререкаема, а глаз зорок. Они «знают», что обычно ведьмы отрицают во время первого допроса всякую вину, что, по их мнению, должно еще больше возбудить против них подозрения. Несчастные часто просили назвать имена свидетелей и обвинителей, но члены трибунала держали их в тайне под страхом отлучения.

Несчастным женщинам приходилось отвечать на вопросы, а почему народ ее боится и почему она бросила такой-то и такому-то слова: «Это тебе даром не пройдет».

А какова причина ее прикосновения к мальчику, который вскоре заболел? А что она делала на поле во время грозы? Обвиняемая может все отрицать, но все равно гибнет и без признания своей вины.

Истерия страха перед ведовством приобретала причудливые формы. Воспаленное сознание святой инквизиции порождало новые и новые правила. Так, несчастным не давали при взятии под стражу оставаться одной в комнате **.** Мера была взята на вооружение сотрудниками НКВД при арестах, чтобы человек не смог покончить собой. Инквизиторы опасались, что ведьма примет известные колдовские снадобья, дающие ей возможность молчать и не сознаваться, несмотря на пытки. При взятии под стражу женщин внезапно поднимали на руки, не допуская того, чтобы они прикасались к земле. Многие приговоренные к сожжению просили разрешения прикоснуться хотя бы одной ногой к земле. В этом им было отказано.

Собственно, при всей дикости ситуации, во времена инквизиции был детально разработан процессуальный канон. До мельчайших подробностей и даже необходимых реплик и вопросов. Адвокаты участвовали в процессах. Но каждый из них после ознакомления с делом должен был решить: правое дело или безнадежное. Канон ему велел отказаться от дела, если считает его безнадежным. Если адвокат возьмется защищать из соображений, что он защищает не лжеучение, а лицо, то может легко пострадать и сам, обвиненный в ереси. Не сложно предположить реакцию защитников на такого рода дела. Безнадега и смертельная опасность.

Изуверский канон гласил, что никто не может быть присужден к смертной казни, если он сам не сознался в преступлении. Это означало только одно – пытки. Прежде жертвы правосудия предавались двоякому наказанию: смертной казни и разрыванию тела пыточными когтями или выбрасыванию на пожирание диким зверям. Теперь же они сжигались, потому что эти преступники - женщины.

Перед началом пытки обвиняемый раздевается. Если это женщина, то она раздевается надежными почтенными женщинами. Это делается для того, чтобы исследовать, не вшито ли в ее одеяние какого-либо орудия ведьм, как это ими часто совершается по наущению беса? Покуда орудия пытки готовятся к действию, судья от своего имени и от имени других уважаемых мужей и ревнителей веры снова предлагает обвиняемой добровольно признаться. Если она упорствует, то она передается палачам, которые и начинают пытку. По просьбе кого-либо из присутствующих пытка на время прекращается, и обвиняемый снова увещевается сказать правду. При этом ему обещают, что он не будет предан смерти, если сознается.

Допрос во время пыток записывается нотариусом. Коль скоро ведьма созналась, она переводится в другое помещение с тем, чтобы судья мог снять с нее показания, заключающие ее признание. Если умеренно пытаемый продолжает запираться, то перед ним раскладываются иные орудия пытки, и он предупреждается, что они будут применены к нему, если он не скажет правды.

А вот такое предписание судье дает канон. Судье следует также позаботиться о том, чтобы заключенный все время между пытками был под наблюдением стражи. Ведь черт посетит его и будет его искушать наложить на себя руки. Кроме того, если судья хочет узнать, дано ли ведьме колдовское упорство в сокрытии правды, пусть исследует, может ли она плакать, когда находится на допросе или на пытке. По мнению «сведущих людей» отсутствие слез указывает самым определенным образом на колдовской дар. Ведьма, по их разумению, не может проливать слез. Можно предположить крайнее

шоковое состояние несчастных, в котором о слезах уже не идет речи. Один всепоглощающий ужас. Впрочем, инквизицию не проведешь, она была готова и к слезам: «Свойство женщин - это плакать, ткать и обманывать. Нет ничего удивительного в том, что вследствие лукавых происков дьявола, с божьего попущения, даже и ведьма заплачет».

В страхе перед подсудимыми женщинами судьи и заседатели боялись их прикосновений, носили у себя на шее соль, освященную в вербное воскресенье, и освященные же травы, а также воск. Ведь ведьма способна навести порчу не только прикосновением, но и дурным глазом и словом?! Подобных примочек было немало: женщин вводили в зал суда **задом наперед.** Им сбривали волосы со всех частей тела. О кормлении соленой рыбой без воды и о кипящих ваннах уже упоминали. Им приходится познать раскаленное железо, дыбу.. И снова инквизиторские штучки: «Если обвиняемая, наконец, призналась, то пусть ей пообещают, что она получит больше, чем просит. Это делается для того, чтобы она стала более доверчивой. Это первый прием». При продолжающемся запирательстве судья подсылает ей в камеру достойного уважения мужчину, к которому она питает доверие. Этот мужчина заводит разговор о том, что может обличить ведьму. А в это время особые свидетели слушают за дверями и запоминают сказанное в камере.

И в наши дни есть такое выражение: дело заведено, значит, оно будет доведено до суда. Такой вот разговор шершавым языком закона. Попав под жернова инквизиции, несчастная женщина быстро понимала, что погибнет.

Мы по-прежнему суеверны. Любуемся суеверием. Упиваемся им.

Молодежь в наши дни с удовольствием смотрит фильмы «Сумерки» о превращениях в волков и обратно. Такая чудесная трансформация, почувствовать нечеловеческую силу. Какая манкая сила и обреченность в герое-красавчике. С тихим ужасом и восторгом можно подумать о такой же силе любви, но как привлекательно. Милые фантазии, средневековые штучки в творческом осмыслении. Флер таинственности и магической силы.

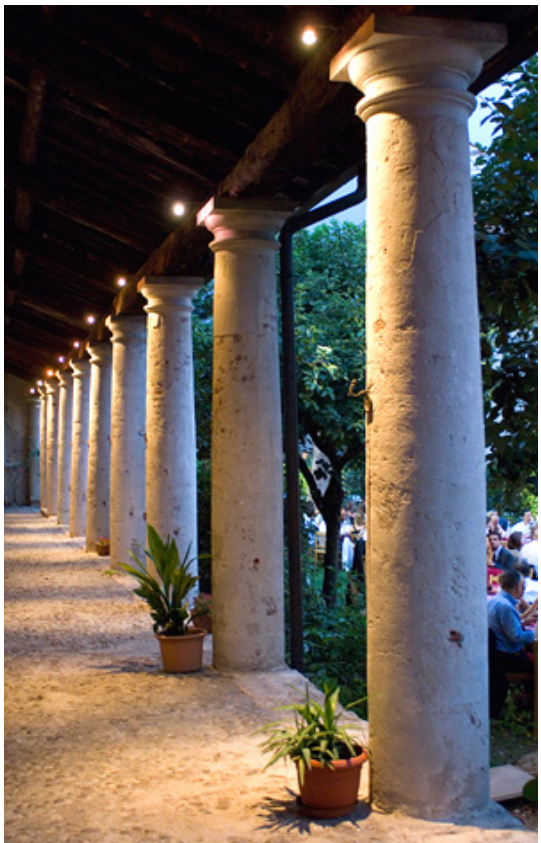
А вот образчик чистого мракобесия и болезненных фантазий, поглощенного ужасами бытия средневековых богословов: «Мы обнаружили также, что падучая болезнь, или эпилепсия, передается людям с помощью яиц, которые кладутся с телами умерших в могилы, и главным образом, с телами таких, которые тоже занимались чародеяниями.

Такие яйца, вынутые спустя некоторое время из гроба, давались с исполнением известного ритуала в питье или в еде. После этого вкусивший становился эпилептиком».

Грустно думать о судьбе людей, подверженных этой болезни. Не с тех ли времен в нас живет психиатрический ужас и куча разных предубеждений помимо истории советской психиатрии подавления инакомыслия. Не все постулаты мракобесия дошли до наших времен. Но так ли уж мы отличаемся от тех средневековых умников.

Тем парам, которые не могут родить ребенка тогда ответствовали прямо и сурово: «Кто околдован в отношении силы деторождения, тот покинут ангелом-хранителем или потому, что постоянно находится в смертном грехе, или потому, что его влечет к этой мерзости слишком страстная похоть». Но мы и сами готовы видеть в этом кару божию..

Когда я вижу по телевизору обряд изгнания дьявола где-нибудь в церкви не так далеко от Москвы – меня охватывает тоска. Тоска, как отголосок войны за влияние над душами человеческими. Влияние, в основе которого как всегда – власть и деньги.



[redacted]